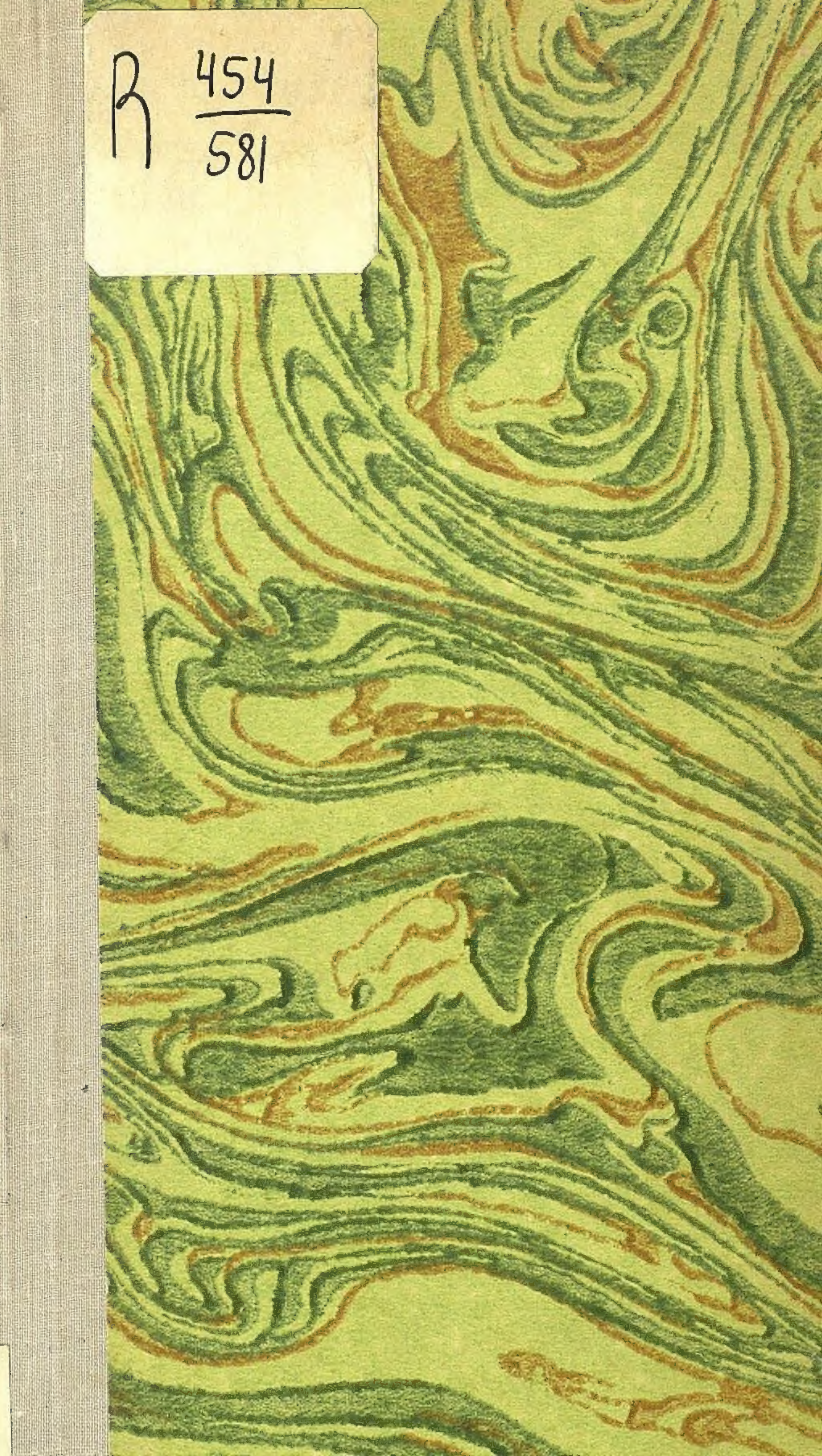
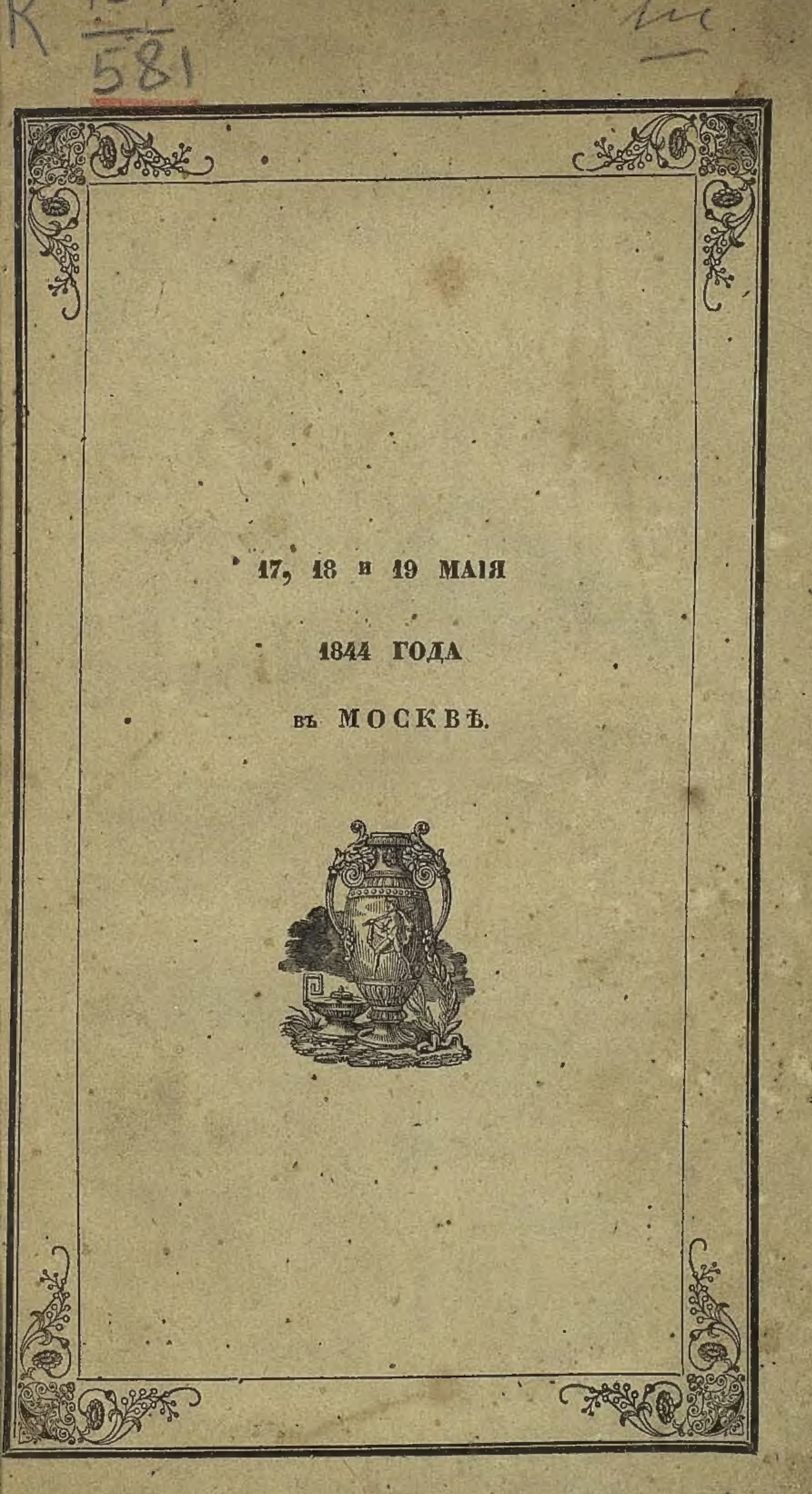
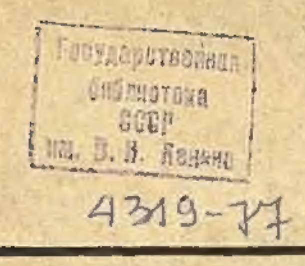

R 454/581

17, 18 и 19 МАІЯ

1844 ГОДА

въ МОСКВѢ.

17 18 и 19 Мая

1844 года

въ МОСКВѢ.

Москва, въ теченіи трехъ дней, занята была однимъ грустнымъ дѣломъ: она отдавала послѣдній долгъ своему покойному Градоначальнику. Въ этомъ событіи обнаружила она, какъ и всегда, свое единодушіе и глубину чувства, ей неотъемлемо принадлежащаго, какъ сердцу Россіи. Память такихъ дней Московской жизни для насъ священна: мы постараемся передать ихъ съ тою отчетливою подробностію, которая въ такихъ повѣствованіяхъ всего бываетъ дороже.

Печально ожидала Москва своего бездыханнаго гостя, который возвращался къ ней за тѣмъ, чтобы найти въ стѣнахъ ея свою могилу. Молитвы объ немъ не умолкали. Онъ умеръ не на рукахъ ея, а на чужбинѣ: эта мысль еще болѣе усиливала скорбь жителей. Судьба присудила его тѣлу, отпѣ-

тому въ Парижѣ, лежать прежде всего на высотахъ Монмартра, съ котораго онъ когда-то, въ числѣ героевъ 14 года, смотрѣлъ на Парижъ, взятый нами... Ему, мертвому, суждено было прокатиться мимо того Краснаго, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Милорадовичемъ довершилъ одно изъ славныхъ дѣлъ незабвенной войны, мимо Бородина, гдѣ славно защищалъ баттареи подъ Семеновскимъ....

Первая народная встрѣча тѣлу покойнаго была совершена въ Можайскѣ. Городъ не зналъ, когда оно прибудетъ: внезапный эстафетъ принесъ неожиданную вѣсть. Въ одинъ мигъ всѣ жители собрались и вышли на встрѣчу... Народъ отпрягъ лошадей — и повезъ на себѣ... Духовенство приняло у одной заставы и проводило въ другую. Народъ везъ еще далѣе... Встрѣча Можайская была предвѣстницею Московской.

Въ селѣ Вяземахъ, помѣстьѣ покойнаго Князя Дмитрія Владиміровича, тѣло его встрѣчено было и везено его крестьянами по всѣмъ владѣніямъ... Здѣсь полтора сутокъ стояло оно въ той церквѝ, гдѣ погребенъ старшій его братъ, Князь Борисъ Владиміровичъ... Странная воля судьбы соединила снова въ одномъ мѣстѣ братьевъ, которые при жизни такъ горячо любили другъ друга и вмѣстѣ дѣ-

лили военные труды.... Тутъ покойникъ, въ первый разъ послѣ разлуки съ своими, былъ опять дома, подъ роднымъ кровомъ....

Между тѣмъ вѣсть о прiѣздѣ тѣла достигла и Москвы... Съ быстротою молнiи пронеслась она по всѣмъ концамъ города и соединила народъ въ одно чувство. Все что 25 лѣтъ трудовъ и заботъ непрерывныхъ о благѣ столицы произвели въ сердцахъ жителей, все то проснулось и сказалось въ одну минуту. — Была середа, 17-е Маiя. День склонялся къ вечеру. На Поклонной горѣ ожидали многiе, выѣхавшiе изъ Москвы на печальную встрѣчу. По мѣрѣ того какъ гробъ приближался къ столицѣ, толпы народа сбѣгались отовсюду и поѣздъ экипажей умножался.... Въ числѣ многихъ группъ трогательна была группа дѣвицъ Воспитательнаго Дома, которыя въ траурныхъ одеждахъ стояли у дороги.... Недалеко отъ заставы, вынули гробъ изъ дорожнаго экипажа и перемѣстили подъ черный простой катафалкъ.... Дулъ сильный, холодный вѣтеръ... Москва была завѣшана кстати густыми тучами. Народъ въ первый разъ увидѣлъ гробъ своего Градоначальника, совершившiй такое далекое странствiе, и ему поклонился. Во всемъ этомъ зрѣлищѣ было что-то тяжелое, мрачное и грустное. Памятно слово одного простолюдина, который смотрѣлъ на

это дѣйствіе и видѣлъ Москву покрытую облаками: „зашла туча, сказалъ онъ, видно заря-то закатилась!“

Катафалкъ двинулся къ заставѣ... Волны народа со всѣхъ сторонъ приливали болѣе и болѣе... Нѣтъ, не любопытство влекло его сюда; голосъ чувства сказывался словами... „Кланяйтесь, кланяйтесь ему всѣ, кричалъ одинъ изъ народа, — и мужики, и бабы, и младенцы пусть кланяются: младенецъ поклонится — еще лучше будетъ. Онъ послужилъ намъ: мы должны ему кланяться.“

Вотъ ужь поѣздъ въѣхалъ въ заставу... Было 9 часовъ вечера... Тутъ толпа народа такъ сгустилась, что казалось страшно; но любовь народная благоразумна... Не было ни одного непріятнаго случая. Когда вхлынули въ улицу, когда гробъ очутился въ стѣнахъ столицы, окруженный этой живою, подвижной массою, — стало какъ-то тепло сердцу... Тѣснота, движеніе, все говорило: здѣсь его любятъ, помнятъ, благодарятъ... Народъ изъявилъ желаніе отпрячь лошадей и везти на себѣ. Такъ и сдѣлано. Впереди понесли образъ Спасителя; за нимъ Московскіе люди двинули колесницу съ гробомъ. — По бокамъ и за нею пошли толпы, и учредилось въ одинъ мигъ всенародное шествіе.

Полицiя не имѣла нужды вступаться въ дѣло, которое совершалось съ чрезвычайнымъ благоразумiемъ и порядкомъ. Только на Дорогомиловскомъ мосту приняла она умную мѣру предосторожности и предупредила слишкомъ сильное столкновенiе народа, которое могло быть опасно. Отсюда можно видѣть, каково было это стеченiе.

Чѣмъ далѣе двигалось шествiе, тѣмъ люднѣе становилась Москва. Гора у Дорогомиловскаго моста представляла зрѣлище, которое не скоро повторится: съ верху до низу она была унизана рядами народа... Лишь только завидѣлъ онъ гробъ на мосту, какъ скатился сверху одною черною глыбой... Думалось, вотъ задавятъ другъ друга: ничего не бывало. Гдѣ любовь, тамъ и разумъ въ Русскомъ народѣ. Въ этомъ внезапномъ движенiи, казалось, видно было, какъ сердце всѣхъ готово выпрыгнуть къ нему на встрѣчу.

Колесница, окруженная новыми волнами народа, взъѣхала на крутую гору къ церкви Смоленской Божiей Матери... Всѣ окна убраны были людьми... Всѣ крестились, кланялись... Сколько благодарныхъ, земляныхъ поклоновъ совершено было на этомъ поѣздѣ! Не одинъ несчастный, спасенный имъ, горько и слез-

но встрѣчалъ его. Нерѣдко раздавалось въ толпахъ: „дай ему Богъ Царство Небесное!“ Между тѣмъ вѣтеръ улегся; наступила тихая ночь; мѣсяцъ боролся съ облаками. Вдали, у Смоленскаго рынка, виднѣлись огни: это были факелы, также принесенные народомъ, безъ всякихъ внѣшнихъ распоряженій. Когда колесница подъѣхала, люди пошли съ обѣихъ сторонъ, освѣщая улицу... Тишина и порядокъ были необыкновенные. Полиція рѣшительно прекратила всѣ свои распоряженія. Люди въ рубищахъ, мальчишки, все шло чинно, важно, безмолвно. Каждый чувствовалъ, что исполняетъ долгъ свой. Благоговѣніе покрывало все это умилительное шествіе. Духъ почившаго, казалось, былъ тутъ и правилъ всѣми, любовно, какъ правилъ онъ при жизни. Если случалось, что экипажъ покушался переѣхать черезъ дорогу,— народъ препятствовалъ самъ и прекращалъ всѣ поводы къ безпорядку. Везли гробъ по валу и по Садовой. И тутъ вырывались памятныя слова изъ устъ простолюдиновъ, отъ ихъ любящаго сердца. Одинъ мужичокъ усталъ везти и смѣнился другимъ: товарищь звалъ его домой. „Нѣтъ, братъ, лучше останемся, сказалъ усталый: вѣдь ужь намъ не везти его въ другой разъ.“

Такъ отъ 9 до половины 12 го продолжалась эта простая, умилительная, народная про-

цессія. Ея никто не приготовилъ; всякое приготовленіе ее только исказило бы и нарушило бы ея важный и трогательный характеръ... Образъ Спасителя впереди, гробъ любимаго Градоначальника подъ чернымъ, простымъ катафалкомъ, факелы несенные ямщиками, до ста тысячь народа вдоль и кругомъ, ночь, и мѣсяцъ, подъ конецъ освѣтившій все небо: вотъ простое содержаніе всей этой церемоніи. Но для того, чтобы такъ славно учредилась она, для этого чуднаго мгновенія, необходимо было, чтобы тотъ кто лежалъ въ гробу, безгласный и бездыханный, имѣлъ то любящее сердце, какое билось въ груди его при жизни, чтобы онъ правилъ Москвою не только 25 лѣтъ, но съ тѣмъ неистощимымъ терпѣніемъ и человѣколюбіемъ, съ какими правилъ онъ... О! какъ народъ знаетъ кто его любитъ! Любовь откликается на любовь. Вся разгадка тишинѣ, безмолвію, порядку, благоговѣнію этого незабвеннаго шествія въ той любви чистой и свободной, которая всегда лежитъ на днѣ души Московскаго народа и которую можно вызвать только любовью.

Въ половинѣ 12 часа ночи, тѣло было поставлено въ церкви Благовѣщенія на Тверской. Здѣсь приняло его Московское Духовенство своими молитвами и совершило надъ нимъ панихиду.

Только сутки оставалось оно здѣсь: народъ толпами валилъ ко гробу, въ теченіи цѣлаго дня, 18-го Мая. Чѣмъ ближе къ концу склонялся день, тѣмъ тѣснѣе становилось въ церкви. Еще въ ночь продолжалось это стеченіе: казалось, мало было времени для народа, чтобы проститься въ послѣдній разъ съ своимъ Градоначальникомъ. Около гроба, и днемъ и ночью, стояли кирасиры, присланные на почтовыхъ изъ Петербурга по Высочайшей волѣ, съ тѣмъ чтобы отдать послѣдній долгъ ихъ Шефу: съ ними дѣлили стражу, также днемъ и ночью, Чиновники канцеляріи. Эта двойная стража свидѣтельствовала о двухъ поприщахъ, воинскомъ и гражданскомъ, которыя съ равною честію совершилъ покойникъ. На гробу виднѣлись военная шляпа его и шпага: онѣ напоминали близкимъ, окружавшимъ его въ послѣднее время жизни, памятныя слова, которыя произнесъ онъ полушутливымъ тономъ не задолго до смерти, смотря на свой военный, кирасирскій мундиръ: „я жилъ солдатомъ — я и умру солдатомъ.“ Этой грустной шуткою, въ которой откликались всѣ воспоминанія первыхъ двухъ четвертей его жизни, посвященныхъ военному поприщу, покойникъ можетъ быть хотѣлъ дать знать, что скоро положатъ его въ гробъ въ этомъ кирасирскомъ мундирѣ.

Кругомъ грòба, ордена — знаки Царскихъ къ нему милостей, говорили народу о его во-

енныхъ и гражданскихъ заслугахъ: Георгій 3-го класса напоминалъ битву Голоминскую, въ которой былъ онъ вождемъ, и штурмъ Варшавской Праги, за который получилъ онъ 4-ю степень Георгія; золотая шпага за храбрость дана ему была за битвы при Волфендорфѣ и Лингенау, гдѣ командовалъ онъ кавалеріею лѣваго фланга, неустрашимо атаковалъ непріятеля и не разъ вытѣснялъ его изъ позиціи; Александръ Невскій въ брилліантовыхъ знакахъ — за славную битву подъ Краснымъ, гдѣ уничтоженъ имъ корпусъ Маршала Даву, гдѣ ударилъ онъ въ штыки на непріятеля и совершенно пресѣкъ его намѣренія пробиться сквозь нашу армію; Владиміра 1-й степени надѣлъ онъ, сидя на бивакахъ подъ Кульмомъ, о чемъ разсказывалъ самъ своимъ адъютантамъ; этотъ же орденъ напоминалъ и битву Прейсишъ-Эйлаусскую, за которую получилъ онъ вторую его степень и гдѣ командовалъ всею кавалеріею. Серебряныя медали говорили о 12 годѣ и взятіи Парижа. Прусской Красный и Черный Орлы, Австрійская Марія Терезія, данная ему за Лейпцигскую битву, и Максимиліанъ Баварскій довершали этотъ рядъ безмолвныхъ свидѣтельствъ о его славномъ участіи въ достопамятныхъ войнахъ первой четверти нашего столѣтія.

За тѣмъ начинались воспоминанія о служеніи его въ нашей столицѣ. Андрей первозванный напоминалъ 1825 годъ и перемѣну царствованія, которая тихо прошла надъ Москвою. При этомъ невольно приходилъ на мысль похоронный поѣздъ усопшаго Императора Александра, мирно совершившійся въ стѣнахъ нашей столицы при его управленіи. Этотъ орденъ былъ данъ Князю Голицыну, какъ сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ, „въ ознаменованіе того постояннаго уваженія, которымъ онъ пользовался отъ Императора Александра, и за сохраненіе въ первопрестольной Столицѣ примѣрнаго порядка, сопряженнаго съ истинною пользою Отечества.“

Между знаками отличія, Русскими и иностранными, останавливалъ вниманіе Персидскій орденъ Льва и Солнца: пребываніе Хозрева Мирзы въ Москвѣ припоминалось ея жителямъ при видѣ этого знака. Москва своею вполнѣ Европейскою образованностью изумила тогда Азіятскаго гостя; самая дружелюбная связь устроилась между внукомъ Персидскаго Шаха и Княземъ Голицынымъ. Портретъ этого красиваго и несчастнаго юноши находился всегда въ кабинетѣ Князя. Не льзя забыть того, какъ онъ приглашалъ просвѣщенныхъ спутниковъ Персидскаго гостя присылать въ

Москву молодыхъ Персіянъ для обученія въ нашемъ Университетѣ. Хотя мысль его и не исполнилась, но изъ нея ясенъ тотъ дальновидный государственный умъ, который понималъ отношенія Россіи и Москвы къ Азіятскимъ державамъ.

Украшеніе портрета Его Величества, надпись Свѣтлѣйшаго на гробѣ и знакъ отличія безпорочной службы за 40 лѣтъ — довершали рядъ этѣхъ свидѣтельствъ славы и чести на поприщѣ службы Отечеству. Тому кто смотрѣлъ на этѣ ордена, не могла придти въ голову никакая иная мысль, кромѣ мысли объ истинной, честной заслугѣ. Все это земное величіе было снискано кровью, по́томъ, трудомъ, заботами, правдою, мыслію, любовью. Имена полезнаго гражданина и добраго человѣка сіяли высоко надъ всѣмъ этѣмъ земнымъ блескомъ.

Этотъ Царскій портретъ достойно украшалъ благородную грудь того, кто былъ не только вѣрнымъ слугою, но и нелицемѣрнымъ другомъ двухъ Царей. Мы, жители Москвы, помнимъ его передъ лицомъ нашего Государя; мы живо видимъ еще, какъ умѣлъ онъ сохранять скромное величіе своей благородной осанки и правду рѣчи передъ Величествомъ Царскимъ, — какъ онъ, покрытый сѣдинами, достойно пред-

ставлялъ древнюю Столицу передъ взорами державными, и Царь, въ теченіи 18 лѣтъ, умѣлъ признавать въ немъ это достоинство: Онъ любилъ и уважалъ его, и передалъ этѣ чувства Своему Августѣйшему Семейству.

19го Мая, Москва предала землѣ прахъ почившаго. Памятенъ будетъ для нея этотъ день: онъ былъ ненастенъ, дождливъ, но тѣмъ еще болѣе памятенъ. Повѣріе народное любитъ такіе дни для похоронъ и считаетъ ихъ доброю вѣстью о душѣ покойника. Въ 9 часовъ утра, Высокопреосвященный Митрополитъ Московскій Филаретъ, совершивъ соборнѣ литію, благословилъ выносъ гроба изъ церкви Благовѣщенія. Въ самый сильный проливной дождь, началось шествіе пышное, великолѣпное, достойное Столицы и того, кого она хоронила. Взводъ жандармовъ открывалъ его. За домоправителемъ и оффиціантами вели верховую лошадь покойнаго, въ парадномъ уборѣ: это была уже не та, которая дѣлила съ нимъ опасности битвъ, которую любилъ онъ и холилъ у себя въ Рожественѣ, которая оборачивалась тотчасъ на привѣтливый его голосъ. За Княжескими гербами шли Московскіе ямщики: они-то третьяго дня зажгли факелы на встрѣчѣ его тѣла. Въ этомъ сближеніи знаковъ Княжескихъ съ младшими представителя-

ми народа было что-то значительное: да, не смотря на свой санъ, онъ былъ близокъ къ нему и понималъ его. За ямщиками шли цеховые и ремесленники съ Ремесленнымъ Головою: было имъ за что́ благодарить того, кто такъ радушно содѣйствовалъ всякому промыслу въ Москвѣ, кто такъ ревностно заботился о ихъ льготахъ, кто облегчилъ для нихъ и для мѣщанъ рекрутскую повинность. Слѣдовали мѣщане и купечество съ Градскимъ Главою: сочувствіе между Княземъ Голицынымъ и этѣмъ именитымъ Московскимъ сословіемъ, основанное на взаимномъ уваженіи и любви, принадлежитъ къ числу лучшихъ страницъ его будущей біографіи. Оно откликалось во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ столицы и Россіи, въ холеру, въ голодъ, въ Петербургское наводненіе, въ пожары. Черезъ него совершилось столько славнаго и благодѣтельнаго на пользу и украшеніе Москвы. Памятникъ, въ 1834 году поднесенный купеческимъ сословіемъ Князю Голицыну, останется конечно семейнымъ сокровищемъ въ преданіяхъ его рода. За Купечествомъ шли Дворяне. Это сословіе, котораго онъ самъ въ Москвѣ былъ первымъ достойнымъ и просвѣщеннымъ представителемъ, уважало покойнаго. Дворяне, первые, послѣ его кончины, задумали почтить имя его памятникомъ, который всегда напоминалъ бы Москвѣ его

примѣрное ей служеніе. Конечно, Московское Дворянство исполнитъ то что̀ оно задумало разъ, въ первомъ порывѣ прекраснаго чувства благодарности къ своему Градоначальнику. За Дворянствомъ слѣдовали чины Присутственныхъ мѣстъ Столицы по порядку: Магистраты, Дума, Земскій Судъ, Управа Благочинія, Надворные и Уѣздные Суды, Дорожная Коммиссія, Медицинская Контора, Приказъ Общественнаго Призрѣнія, Совѣстный и Коммерческій Суды, Гражданская и Уголовная Палаты, Палата Государственныхъ Имуществъ, Казенная Палата, Губернское Правленіе. Конечно, никому изъ шедшихъ здѣсь власть его не была тяжела; никто по совѣсти не могъ оскорбить блаженной памяти покойнаго такимъ упрекомъ. Со стороны, осуждали его въ недостаткѣ строгости, но тѣ забывали, что человѣку трудно совмѣстить ее въ одномъ сердцѣ съ человѣколюбіемъ, которое выше правды закона. Онъ, первый, возъимѣлъ мысль наполнять Присутственныя мѣста людьми просвѣщенными; самъ приглашалъ столь многихъ, ему близко извѣстныхъ лицъ, къ занятію такихъ должностей.

За чинами Присутственныхъ Мѣстъ Штабъ-Офицеры, съ ассистентами изъ Оберъ-Офицеровъ, несли пятнадцать знаковъ отличія, укра-

шавшихъ грудь его, и Генералъ, имѣя ассистентомъ Штабъ-Офицера, изображеніе Государя Императора.

Московское Духовенство, въ черномъ облаченіи, съ молитвеннымъ пѣніемъ, предшествовало печальной колесницѣ. Здѣсь также можно было припомнить, что Глава Московской паствы, который ожидалъ гроба его въ Донскомъ монастырѣ и готовился совершить надъ тѣломъ его послѣднюю паннихиду, началъ служеніе свое на чредѣ Москвы, почти въ одно съ нимъ время.

Слѣдовала печальная колесница: подъ пышнымъ балдахиномъ, съ княжескою короною, виденъ былъ гробъ, около котораго стояли его вѣрные Адъютанты: они встрѣтили тѣло его еще въ Вяземахъ и оттуда провожали до могилы, съ искреннею скорбью и слезами. Смотря на этотъ гробъ, хранившій его останки, грустно было думать, что Москва не имѣла послѣдняго утѣшенія — видѣть его, хотя мертваго... Сначала, все какъ-то не вѣрилось, чтобы онъ былъ тутъ бездыханный, онъ, котораго годъ тому назадъ мы проводили на чужбину, еще бодрымъ и свѣжимъ....

За колесницей шли его два сына, родственники, близкіе и знакомые, ему предан-

ные, сослуживцы, Адъютанты, чиновники его канцеляріи... Толпа благодарныхъ ему была велика; ненастное время много ее уменьшило: онъ самъ бы не потребовалъ этой дани, онъ не былъ взыскателенъ къ обрядамъ и формамъ; но тѣмъ почтеннѣе было чувство тѣхъ, которые рѣшились отдать ему этотъ послѣдній долгъ.

Въ числѣ такихъ мы не забудемъ одного почтеннаго старца. Мы не назовемъ его, щадя его скромность, но его назоветъ будущая біографія Князя. Этотъ старецъ, посвятившій всю прекрасную жизнь свою одной мысли: облегчать несчастіе преступленія, — болѣе чѣмъ кто-либо въ Москвѣ, могъ свидѣтельствовать о человѣколюбіи того сердца, которое уже мертвымъ лежало въ гробу. Князь любилъ его, умѣлъ беречь для пользы ближнему, выслушивалъ и терпѣливо сносилъ все что́ ни вырывалось изъ его пылкаго сердца; онъ уважалъ въ немъ то, чему самъ глубоко сочувствовалъ, эту любовь къ ближнему, въ которой простительны всякія крайности.... И какъ сильно ощущалъ почтенный старецъ свою потерю! Это выражало лицо его. Умиленный, глубоко-грустный и молящійся, онъ совершилъ весь путь отъ церкви на Тверской до могилы въ Донскомъ, не смотря на проливной дождь, на слякоть, на потоки воды

при переходѣ улицъ, и на свои преклонныя лѣта. Ненастье только увеличивало подвигъ души его.

Далѣе должны были слѣдовать тѣ благодѣтельныя учрежденія, которыя или возникли, или процвѣли подъ покровомъ усопшаго. Въ нихъ выражались просвѣщенная его мысль и неистощимое человѣколюбіе, соединенныя съ неусыпною дѣятельностію. Тутъ Московская Практическая Академія, которой былъ онъ Попечителемъ съ самаго 1820 года, когда началъ управлять столицею; Попечительный Совѣтъ Заведеній Общественнаго Призрѣнія, который находился въ его домѣ и котораго онъ былъ Предсѣдателемъ. Тюремный Комитетъ: въ его засѣданіяхъ онъ часто просиживалъ за полночь, нисколько не утомляясь совѣщаніями и преніями. По мысли его, установлено было при Комитетѣ новое мѣсто ходатая о заключенныхъ, за которое благословляли его конечно сотни невольниковъ, ранѣе получившихъ свободу черезъ это спасительное учрежденіе. Комитетъ о Просящихъ милостыни, открытый въ 1839 году, также свидѣтель его заботъ о классѣ нищихъ, праздно скитающихся по городу. Этотъ Комитетъ, во время голода, съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1839 года до наступленія лѣта въ 1841 году,

открывалъ обѣденные столы для бѣдныхъ и роздалъ до полумилліона порцій. Московскій Домъ Трудолюбія, учрежденный по мысли его супруги: онъ былъ Почетнымъ его Попечителемъ съ 1829 года. Градская Больница, существующая съ 1828 года на 450 кроватей. Она напоминаетъ трогательную переписку съ покойникомъ Императрицы Маріи Ѳедоровны по этому предмету: изъ нея видны и примѣрная заботливость Государыни и Ея личное уваженіе къ Князю Голицыну. Глазная Больница, учрежденная съ 1826 года: онъ былъ начальникомъ того Комитета, который ее устроивалъ. Дѣтская Больница, открытая съ 1842 года: онъ учредилъ ее по желанію своей супруги, въ память ея, на пожертвованія Московскихъ жителей, въ которыхъ самъ первый участвовалъ. Матери, отцы и дѣти благословляютъ его за это учрежденіе, которое въ Москвѣ спасаетъ отъ смерти столь многихъ младенцевъ.

Но вотъ и другое о немъ воспоминаніе: войска играютъ печальный маршъ, на похоронномъ поѣздѣ героя прежнихъ, славныхъ войнъ нашего Отечества; музыка марша сочинена тѣмъ музыкантомъ, который возвращеніемъ своимъ въ Москву обязанъ ходатайству покойнаго. А вотъ и его кирасиры, которыхъ

прислалъ къ нему Царь, чтобы отдать последнюю почесть усопшему. Это ужь молодое племя; въ числѣ ихъ нѣтъ тѣхъ сослуживцевъ, съ которыми вмѣстѣ онъ когда-то ратовалъ на поляхъ Бородина и Краснаго. Въ 1834 году назначенъ онъ былъ Шефомъ Орденскаго Кирасирскаго полка — и это вниманіе Царя было для него особенно пріятно. Не смотря на другія, гражданскія занятія, онъ всегда любилъ свой полкъ и съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ донесенія, которыя доставлялись ему его намѣстникомъ. Кирасиръ, его сослуживецъ, будь онъ простой солдатъ, имѣлъ уже право на его гостепріимство. Онъ любилъ и свой черный мундиръ, который былъ ему къ лицу...

Такъ въ этомъ плачевномъ поѣздѣ, подъ разными знаками, выражалась почти вся жизнь покойнаго....

Прекрасна была мысль провезти гробъ его по Тверской. Шествіе остановилось у его прежняго дома. Здѣсь духовенство отпѣло литію. Грустна была эта минута. Вотъ гдѣ, почти 25 лѣтъ, онъ жилъ и дѣйствовалъ для тебя, Москва; здѣсь неусыпно пекся о твоемъ благѣ, здѣсь знакомился съ тобою, и чѣмъ болѣе узнавалъ тебя въ каждомъ послѣднемъ изъ твоихъ жителей, тѣмъ болѣе любилъ тебя.

Здѣсь на всѣхъ простиралъ онъ свое гостепріимство; здѣсь достойно поддерживалъ величіе своего сана; здѣсь сочувствовалъ всякой высокой мысли въ современномъ движеніи просвѣщенія, и желалъ тотчасъ присвоить ее Москвѣ и своему Отечеству; отсюда сносился съ разными городами Европы, гдѣ многія ученыя Общества и извѣстные мужи знали его и уважали его Европейское имя.

Дорога, по которой двигался поѣздъ, своими зданіями и украшеньями, представляла живую лѣтопись его дѣятельности. Везли его по той мостовой, которую онъ велѣлъ сдѣлать. Асфальтовые, чугунные тротуары, убранные народомъ, также его память. Фонтанъ у Иверской бьетъ вверхъ, по его дѣятельной мысли: для этого фонтана ужъ готова бронзовая статуя Кіевлянина, которую онъ же заказалъ художнику Витали. Кремлевскій садъ выросъ при немъ: многіе помнятъ еще болото, бывшее на этомъ мѣстѣ. Присутственныя мѣста строены имъ; вонъ тамъ видна тюремная яма, гдѣ столько страждущихъ утѣшено по его мысли и чувству. Красная площадь отдѣлана и убрана имъ. Въ Гостинномъ дворѣ онъ двигалъ промышленность и торговлю, и приглашалъ купцовъ выселяться изъ темныхъ рядовъ ихъ въ свѣтлые магазины прекрасной галлереи, отдѣланные по

его желанію въ Европейскомъ вкусѣ. Соборъ Св. Василія Блаженнаго, еще въ 1835 году, отдѣленъ отъ масляныхъ лавокъ и окружныхъ строеній, по его же заботливому попеченію о красотѣ столицы. Москворѣцкій мостъ, отбившій славу у Каменнаго, его мысль, его дѣло: какъ много заботился онъ объ немъ! какъ утѣшался его построеніемъ! Этѣ набережныя, которыми оправлена теперь наша рѣка, каналъ, избавившій многіе прибрежные домы отъ наводненій, и мостъ черезъ него — все плоды его же дѣятельности на пользу столицы.

Не смотря на проливной дождь, который принимался нѣсколько разъ сряду, шествіе было пышно, великолѣпно, какъ не льзя болѣе. Но лучшимъ украшеніемъ его былъ конечно безчисленный народъ, наполнявшій все пространство отъ Благовѣщенской церкви на Тверской до Донскаго монастыря. Здѣсь можно было видѣть, что значитъ населеніе нашей Москвы. Всѣ тротуары убраны живою массою; окна всѣхъ домовъ настежь и вездѣ лица; колокольни и крыши многихъ зданій покрыты людьми; въ Кремлѣ, въ амбразурахъ стѣнъ между зубцами, торчали все головы; гостинный дворъ унизанъ; обѣ стороны набережной убраны людьми какъ бордюромъ; зеленый скатъ отъ Кремля почернѣлъ отъ толпы; по всѣмъ улицамъ

Замоскворѣчья и около Донскаго монастыря на̀ полѣ еще многое множество. Казалось, всѣ жители были тутъ, всѣ сословія, всѣ возрасты, всѣ, всѣ съ обнаженными головами, хоронили его, крестились, кланялись ему, въ послѣдній разъ прощались съ нимъ. . . Общее чувство грусти разливалось повсюду; нерѣдко видѣлись слезы; вздохи, молитвы, добрыя слова народа провожали гробъ до послѣдняго пріюта, къ которому онъ подвигался.

Въ 1-мъ часу внесли его Адъютанты и Кирасиры въ соборную церковь Донскаго монастыря, гдѣ между тѣмъ Митрополитъ совершалъ литургію. Въ то время, какъ вносили гробъ, раздавались по храму слова: „да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ!" — По совершеніи литургіи, Архимандритъ Донской Ѳеофанъ произнесъ надгробное слово; здѣсь, какъ хозяинъ монастыря, онъ кстати напомнилъ о тѣхъ молитвахъ, которыя покойный не переставалъ совершать надъ гробомъ супруги своей, его теперь ожидавшей.

По совершеніи панихиды, понесли гробъ въ церковь, гдѣ находится семейный склепъ Князей Голицыныхъ. Шесть лѣтъ назадъ похоронилъ онъ здѣсь мать свою; три года съ небольшимъ прошло съ тѣхъ поръ какъ отдалъ по-

слѣднiй долгъ супругѣ. Тогда еще, въ грустномъ предчувствiи, сказалъ онъ своимъ дѣтямъ: „скоро я приду въ слѣдъ за нею." Предчувствiе сбылось. Онъ возвращался къ ней. Колоссальный гробъ его былъ опущенъ въ могилу; Митрополитъ благословилъ; слезы любви орошали его; близкiе бросали землю; залпъ орудiй возвѣщалъ Московскимъ людямъ, что тѣсная могила принимала навсегда тѣло возлюбленнаго ихъ Градоначальника. Народъ, цѣлый день еще, посѣщалъ эту свѣжую, дорогую для него могилу, на которую конечно отецъ укажетъ сыну, а дѣдъ внуку, и помянетъ добрымъ словомъ того, кто лежитъ въ ней.

Такъ прошли этѣ три грустные и полные дня, которыхъ Москва долго не изгладитъ изъ своей памяти. А ты, незримый духъ почившаго! ты вѣрно былъ съ нами во все это время, ты присутствовалъ въ сердцахъ этого безчисленнаго народа, ты наслаждался выраженiемъ любви его! Счастливы тѣ, которые тебя близко знали: чѣмъ ближе кто зналъ тебя, тѣмъ болѣе любилъ тебя. . . .

С. Шевыревъ.

Печатать позволяется Москва. Мая 22 дня, 1844 года.
Цензоръ В. Флеровъ.

Москва, въ Университетской Типографiи.

